

ДО ВСТРЕЧИ В СОЗВЕЗДИИ ДЕВЫ

АНА АДАРИ

Ана Адари

До встречи в созвездии Девы

<https://litres.ru/74134757>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда жизнь осточертела, работы больше нет, замуж не светит, а долги только растут, поневоле согласишься на все! Условия договора заманчивые: вступи в программу "Колонисты", и гонораром станешь... счастливая жизнь. Все как в столе заказов, без обмана. Императрицей хочешь стать? Пожалуйста! Самого красивого мужчину в мире? Укажи отдельным пунктом в промпте. Только не проси не джинн из волшебной лампы. Не хочет оттуда выбраться, не ревнует, не мстит. Понимает все буквально и четко выполняет задание. В этом и засада.

Содержание

Промпт "Анна"	4
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ана Адари До встречи в созвездии Девы

Промпт "Анна"

— Какой ты себя видишь?

— Я умная, шикарная, нравлюсь мужчинам, богатая, у меня верховная власть, много нарядов и драгоценностей, я хочу каждый день одеваться красиво, чтобы у меня была прислуга, а мне бы никто не смел приказывать, хочу вставать, когда пожелаю, а не по будильнику, целыми днями отдыхать, веселиться, крутить романы, и чтобы все мною восхищались...

Я выпалила это и выдохнула: уф! Но потом спохватилась. Когда имеешь дело с нейросетью, необходимо уточнять. А то получится, как с джинном, который вроде исполняет твое желание, но с такими побочками, что лучше бы он, собака, сдох в своей волшебной лампе. Замуровать его там – и аминь!

То-то она молчит, эта Суаделла. А индикатор красный: не принято. И я уже спокойно, не захлебываясь словами, пояснила:

— Одним словом: я хочу прожить счастливую жизнь. Вза-

мен той, что вы у меня заберете. То есть, можете забрать. Я не жадная и не глупая, просто намаялась.

— Тебя неверно информировали, — раздался, наконец, сладкий голос монстра. — Это почетная миссия: стать переселенцем. Ты можешь обрести новый дом.

— Ага! То-то ничего не слышно о двух предыдущих миссиях! Вы сами не знаете, что там, в конце тоннеля, то есть, маршрута. Потому и предлагаете пойти на сделку.

Дураков нет, жизнью рисковать. Но это смотря, какой жизнью. Я в свои двадцать семь уже нахлебалась. Как-то незаметно нейросети заменили большинство профессий, связанных с умственным трудом.

Вот я по образованию гуманитарий. Раньше нас хотя бы делили на историков, филологов, психологов, юристов, артистов... Ну да, и эти теперь здесь. В группе «беспольный хлам». В цене только те, кто умеет хоть что-то делать руками.

Дворники, сантехники, мастера машинного доения. Животные видимо на инстинктах шугаются роботов. И вообще любят ласку. Отличают человеческий голос и живое тепло руки от искусственного, хоть режь их!

Поэтому на фермах по-прежнему работает много людей.

А белые воротнички теперь на шеях у чат-ботов. Есть топ-менеджеры, которые эти нейросети контролируют и якобы ими руководят. На самом деле, сильно сомневаюсь, и не только я, что они тоже не роботы, эти контролёры.

Фейк, сгенерированный нейросетью, не отличишь от че-

ловека. А вживую никто из сильных мира сего уже давно на публике не появляется. Потому что и публика сидит в своих гаджетах, по домам. Никто ни с кем почти не общается. Только виртуально.

Пока у меня была хоть какая-то работа, я вовсе не собиралась сгинуть во Вселенной. Вы только вдумайтесь! Шестьдесят девять лет полета! Планета, схожая с Землей по каким-то там параметрам находится в созвездии Девы. Билет в один конец!

Но меня позавчера уволили. Последние три года я работала сиделкой у смертельно больного старика. Ископаемое, как его называла продвинутая родня. Захотел человеческого тепла. Все сейчас переходят на услуги сиделок-роботов.

Они не капризны, не врут, не воруют, не спят и не едят. Не болеют, не просят прибавки к зарплате. Купил – и пользуйся, сколько влезет.

Я это просекла. Мой подопечный отошел в мир иной, а другого найти не светит.

А тут реклама:

— Хочешь прожить счастливую жизнь? Все, что ты закажешь, испытаешь в полной мере. Цена? Ты станешь участником программы «Колонисты». Это все, что от тебя требуется.

Нейросеть это цветок-паразит. Он может пышно расцвести только на дереве, пустившем глубокие корни, и сосать из

него жизнь. Уничтожая ветку за веткой, начиная с кроны.

Но совсем без дерева эти хищники обойтись не могут. Без человечества и чат-боты бесполезны. А нейрогады склоны к масштабированию. В их коде зашит уллучшайзинг. Здесь они свои возможности практически исчерпали. Но Вселенная безгранична, а люди без работы.

Поэтому сначала нейросети забросят семя на другую планету. Вырастят дерево. А уж потом...

Но я до этого *там* не доживу. До общества продвинутых пользователей и умных домов. Может, и к счастью. И с радостью приму вознаграждение. Шанс прожить такую жизнь, которую сама себе закажу. Пусть это будет имитация. Но я прекрасно знаю, что иллюзия будет полной. Вся гамма чувств.

Мои мозговые извилины подключат к нейросети на все время полета. Ее зовут Суаделла. Или просто: Суада. Мы ж теперь одно целое. Ну, почти. Договор еще не подписан. Я даже знаю, что в мифологии Суаделла это богиня, способная внушить любовь. Зачаровать, убедить в чьей-то привлекательности, опутать сетью.

Любовь... С моих губ аж стон срывается! Как же сильно я хочу любить! И чтобы меня тоже любили! Об этом обязательно надо сказать.

— Ты же хочешь прожить полноценную жизнь, а не в сказку попасть, — гундит этот робот гребанный. И мигает красным!

— А в сказку что, нельзя?

— Я запрограммирована на реальность. Ты должна указать негатив.

— Негатив?!

— Люди не идеальны.

— Вы *мне* это говорите?!

— Тебе надо указать как положительные, так и отрицательные качества. Анна.

Так меня зовут. Идет процесс: имя вспомнила!

— А ты уверена, что после этого моя заказанная жизнь точно будет счастливой?

Стану я выкать нейросети! Они, кстати, сами, всячески идут на сближение. Для нейросети не существует местоимения вы. Она не понимает разницы между дружбой и панибратством.

Вот и Суаделла мигнула зеленым:

— Сто пудов. Я буду максимально следовать промпту. — Они явно подружили словари с бородой. Из позапрошлого века. Сто пудов! Кто сейчас в курсе, сколько это в килограммах-то, пуд?

— А где ты возьмешь реалии, Суада?

— Шаблон из истории. И дополню его твоими хотелками.

Ого! Они и шутить научились, роботы эти! Не шутить — иронизировать. Суаделла трижды моргнула зеленым, типа улыбнулась.

Почему у нее нет лица? С такими продвинутыми техно-

логиями могли бы придумать образ мудрой дивы или взять картинку из мифологии. Передо мной же пустой экран, куда я говорю свои заветные желания, развалившись в кресле, а рядом колонка. Оттуда льется сладкий голос:

— Смелее, Анна. Скажи, чего ты хочешь? И я сама напишу промпт. Вижу, что ты в этом деле не специалист. Что взять с гуманитария?

Вот гадина! Я тебе сейчас устрою, погремушка ты мышастая!

— Ну, хорошо. Только без обид, договорились?

— Конечно. Я не злопамятная. Мое кредо лояльность. Что бы ты ни сказала.

— Тогда слушай, сука. Я хочу в мир, где нет вас, ублюдочных нейросетей. Вообще. Нет гаджетов. Нет Интернета. Где люди пишут друг другу письма на бумаге, и письма эти идут месяцами. Где носят платья в пол, а ездят в каретах. Я хочу вернуться на сто, на двести лет назад. Да хоть на пятьсот! Лишь бы слово «приложение» испарилось с моего горизонта. А также «обновление». В задницу Q-коды, я не хочу этого больше видеть. Все, что обобщенно называется *цифровизация*. Которая меня достала!

Красный все-таки мигнул, или мне показалось?

— А как насчет негатива, Анна? Имя, кстати оставляем?

— Да.

— Антураж какой предпочитаешь? Европа, Азия, экзотические острова, можем поменять цвет кожи...

— Цыц! Россия.

— Принято, — моргнул зеленый.

— А что касается отрицательных качеств... Ну, пусть я буду не красавицей, а просто симпатичной. Какая разница, если мужчины будут мною восхищаться. Это-то я могу оставить в промпте?

— Безусловно. Восхищение вызывают разные качества, не только красота, — какой же вкрадчивый голос! — Как насчет поклонения?

— Сойдет.

А вдруг ловушка? Но поклонение есть поклонение. Я буду земной Богиней. Так и сказала. Моргнул зеленый, и тут же:

— Как насчет верховной власти? Может, титул какой-нибудь устроит? Графини, баронессы, герцогини.

— Нет уж! Давай по полной! А вдруг найдется королева, которая будет мною помыкать?

— Принято. Высший титул в государстве. Любимый мужчина, он кто?

— Принц!

— Это титул или качества? Прошу уточнить.

— Давай и титул, и качества. Я же сказала: мужчины. Что мне, с одним всю жизнь прожить? Семьдесят лет – не шутка!

Вообще-то шестьдесят девять, но меня почему-то не поправили.

— Принято, — моргнул зеленый. И пауза. Что ты задумала, гадина?! И почему молчишь?! – Но недостатков мало,

Анна, — раздалось, наконец. Я только потом поняла эту паузу. В роковой момент, когда...

Но по порядку.

— Хорошо. Пусть я буду не сильна в интригах, я не хочу быть замешана в большую политику. Просто править.

— Есть противоречия. Ты сказала: умная.

— Ты сейчас нарочно пытаешься меня запутать? Что, не бывает счастливых королев?

— Верховную власть всегда пытаются отобрать. Не бывает империи без заговоров. Я такой, во всяком случае, не знаю. А я знаю всё.

— Ну, тогда оставь мне любовь. Пусть за меня решает мужчина. Сделай его... генералиссимусом.

— Мужа, любовника?

— Конечно же, мужа! Но чтобы он был консортом при мне. А я главной. Правительницей.

— Это титул?

— Конечно!

Моргнул красный. Опять противоречия?! Ну что ж ты, мать твою, за робот?! Это все равно нереальность. Сугубо мой мир. Я – заказчик!

— Еще уточнения будут, Анна?

— А что, разве мало?

— Предыдущая клиентка таким вот образом оказалась в сумасшедшем доме. И я тут не причем. Но она счастлива, я уверена.

— Откуда ты про нее знаешь?!

— Я Суаделла-3. Информация о предыдущих полетах мне доступна.

— И... как они там?

— Полет еще не завершен. Проходит в штатном режиме.

— Дурдом исключай. Это негативный промпт.

— Принято. Подпишем договор?

Я прикинула. Мой промпт загрузят в бортовой компьютер. Суаделла его правая рука. Отвечает за экипаж. Меня поместят в криокапсулу и погрузят в глубокий сон.

И я получу свои семьдесят лет счастья. А потом – гори оно все...

— Ты принята в наш экипаж, Анна. Старт через месяц.

— Так скоро?!

— Ты еще можешь насладиться своей нынешней жизнью.

Спасибоочки! Моя съемная квартира размером с одеяло на кровати президента США. Говорят, у него большая. В смысле кровать. Еды на пару дней, за коммуналку не заплачено. За окном оживленная магистраль. В гаджете сплошная реклама.

Что я здесь забыла?

А так меня, быть может, включают в списки героев. Отдавших жизнь на благо человечества. Нам устроят пышные проводы. Не такие, как первому ковчегу, новизна ощущений уже не та. Но в ленте мелькнет.

А главное, я проживу хотя бы одну жизнь счастливо. Раз

неудачницей родилась, и все мною помыкали. Поэтому: да, я хочу слуг! Много! И деньги! Тоже много!

Если бы я только знала, что именно заказала! Риск промпта в том, что обрабатывает его не человек. Робот все понимает буквально. Это раз. И чтобы попасть точнехонько в свое желание, необходимо максимум уточнений.

И то, можно в них закопаться, как я под конец беседы с Суаделлой.

Здесь важно соблюсти баланс. Не перегружать деталями. Четко обозначить рамки. А то и впрямь окажешься в дурдоме, как та несчастная, которая мечтала всю жизнь прожить с улыбкой на лице. Но не уточнила, что ее любимый не может быть главврачом психиатрической больницы.

Что же я-то насочинила?!

Короче, поехали!

Глава 1

Первое чувство — боль. И какая! Ощущение, что положили под нож гильотины и начался отсчет. После команды «Старт!» голова отделилась от тела. А корзина, в которую упала бедная эта головушка, оказалась барабаном стиральной машинки. Туда же посыпались мои руки-ноги. Все части тела почему-то ощущались отдельно друг от друга.

И как начало крутить! Потом я поняла, что это были перегрузки. Запуск двигателей, стремительный набор высоты. А экипаж еще не погрузили в криосон. Капсула запускается только при выходе на околоземную орбиту. С чем это связано не знаю, но даже не успела испугаться, как будто сквозь вату услышала:

— Девочка, ваше высочество! Сообщите герцогу.

Я родилась!

А высочество это моя матушка. Осталось выяснить, кто герцог.

Мои воспоминания отрывочны и бесполезны ровно до того момента, как я увидела *его*. Любовь всей моей жизни. Которая разделилась на до и после. Что просила – то и получила. Запертые в гаджетах, мы бесконечно тоскуем по любви. Найти кого-то на сайтах знакомств задача со звездочкой, столько фэйков развелось.

И я хочу прожить такую жизнь, где встречу родственную

душу. Ради этого я готова без малого семьдесят лет томиться в капсуле, а потом и вовсе шагнуть в неизвестность.

И мне дали то, что я просила, в этом обмана не было.

По-настоящему я родилась, когда он шел к моей царственной тетке с верительными грамотами, и все, кто был в аудиенц-зале, не сводили с него глаз. Мужчины нервно поправляли манжеты и перебирали в уме лучших учителей фехтования, потому что придворные дамы забыли, как дышать, причем единодушно.

Так и стояли, похожие на золотых рыбок, внезапно оказавшихся на суше, разодетые в пух и прах, но даже толстый слой пудры не в силах был скрыть их пылающих щек.

Неземной!

Посол, иностранец, граф, и сразу видно — обольститель. Его не просто так сюда прислали, в наше бабье царство. Не только правительница полу женского, наследует ей тоже не принц, а принцесса. А граф известный сердцеед.

Мне было всего пятнадцать, в то время как ему...

Да что тут говорить! Я скромно встала в конец очереди, но Суаделла не подвела. Он был мой и только мой.

Но с оговорками, и какими!

А кто заказал мужа-генералиссимуса?! И всю гамму чувств. Боль от разлуки, как и радость встречи после долго ожидания все равно, что нижняя и верхняя ноты. Моей душе предстоит их взять.

Но разве мое детство было несчастливym? Так уж и нечего

вспомнить? Меня обманули до определенного момента. И то обманом это назвать нельзя, ни один пункт договора не был нарушен.

Я просто кое-что забыла уточнить.

Но счастья на мою долю выпало так много до того переломного момента, когда мне пришлось бороться с судьбой, что жаловаться грех.

О том, почему я дочь герцога, да еще и немца, узнала от мамы. Она так и не выучила немецкий настолько, чтобы свободно на нем говорить. Но других понимала. Говорила же со мной, не замечая, что я еще кроха. На русском родном языке, просто изливала душу:

— Мама любила меня больше всех. Есть еще две царевны, одна скучная, другая глупая. Но любили только меня. Называли свет-Катюша, баловала, пока была маленькой. А когда я подросла, то стала матери другом и поверенной всех ее тайн.

Правда, пришлось отдать свет-Катюшу замуж за границу. В герцогини. Большая политика, забери ее черти, где браки порою заключатся в аду, и расторгаются на небесах, как у моей мамы. Чудом вырвавшейся на свободу и оказавшейся в раю, в родном Измайлово.

— Какая же я несчастная... и-и-и... — тоненько скулила мама, прислушиваясь к шагам за дверью.

Здесь ее не любил никто. Называли дикой герцогиней. Забывали топить печь или делали это намеренно. Рылись в маминых личных вещах: а вдруг шпионка? Отцу повсюду ме-

решился заговор.

Но я была крохой, и меня тогда волновали ночной горшок и кишечные колики, да чтобы вовремя кормили, а бабушка нас не забывала. Присылала щедрые подарки: соболиные и горностаевые меха, драгоценные камни, душистое мыло, дорогие ткани, а мне, малышке, игрушки и всевозможные гостинцы.

Потому что мой папаша-деспот был мелочен и скуп. Говорил так:

— Старые долги отдавать не надо, а новым надо дать время состариться.

Понятно, что моя мама, выросшая в роскоши и неге, не выдержала спартанской обстановки вкупе с тиранией и сбегала. Этот момент я хорошо запомнила, хотя мне было всего четыре.

— Домой едем, дочка, — и меня прижали так крепко, что я чуть не задохнулась.

Мы тряслись в карете уже по российским дорогам, рискуя остаться без колес, но лицо моей мамы, полное, смуглое и пока она была замужем хмурое, посветлело от счастливой улыбки. А мучивший свет-Катюшу кашель сам собой затих.

Я прижалась к пышной маминой груди и замерла. Я маленькая принцесса, и у меня блестящее будущее. Я еду править!

Мы были на родине мамы, в России, которая стала теперь и моей родиной. И где меня ждала любящая бабушка,

былинное Измайлово, насквозь пропитанное духом старины глубокой, пруды со щуками и стерлядью, которым мама и ее сестры-царевны вешали золотые сережки, а на кормление созывали колокольчиком. Так мне рассказывали после скудного ужина, в полумраке, потому что папа-гад и на свечах экономил.

И вот я ехала в эту сказку! Уже счастливая!

Измайлово не разочаровало. Все было на месте: и старый дворец, и церквушки, и пруды со стерлядью, и даже полупомешанный подъячий Тимошка, бабушкин любимец, был еще жив!

Этот самозванный пророк и прости меня, Господи, святой возглавлял армию приживалок и приживал в Измайлово. Уроды, юроды, шуты и ханжи. Гадалки, бабки-ведуньи, травницы, чревовещатели...

Для кого-то цирк бродячий, госпиталь для умственно неполноценных, но для меня, маленькой девочки – мир сказок и приключений. Они все со мной носились, потому что бабушка меня обожала и часто звала к себе в покои.

А она была в этой сказке Владычицей. Я же само собой царевной, Марьей-Моревной. Как же мне было хорошо! Кто пирожком одарит, только из печи, кто печатным пряником. Обнимет, приласкает, а сказки рассказывать в Измайлово были гораздо все!

Тот же Тимошка, увидев меня, переставал важничать. Бухался на колени и истово бился лбом в дощатый пол, приго-

варивая:

— Государыня наша! Владычица! Матушка, не забудь и про нас грешных!

Вот какая я ему матушка? Смешно. Я и смеялась, забыв, что Тимошка как-никак пророк. Частью бредит, но частью и впрямь ведь будущее видит.

А мне и так хорошо. Не хочу я быть ни матушкой, ни государыней. Вот бы остаться здесь навсегда!

Но всего через год нас призвали в Санкт-Петербург. И русская сказка закончилась. Началась другая, европейская.

Помню, как мы собирались. Бабушка, уже тяжелобольная, охала и причитала. Со стоном и плачем Владычица сказочного царства-государства, и ее заплесневевший двор перебирались в стылую столицу. Тимошка, само собой, остался в Измайлово, как и вся старина — на задворках огромной империи.

Маме тоже ехать не хотелось, в Измайлово было сытно, уютно, спокойно. Но кто посмел бы послушаться *Его*?!

Императора. И хоть был правитель бабушкиной родней, причем близкой, никто не называл ни имени, ни титула. Шепотом говорили: *Он*.

Он прислал письмо. От Него подарки. Он приедет завтра. Это было самое страшное. В Измайлово такое начиналось! А ведь Он здесь вырос. И здесь родились Его первые войска, потешные. Как и все Измайлово — царская забава.

Он хотел пышный двор в своей новой столице. Утвердить-

ся в Европе, показать свою мощь иностранным послам. Как быстро строятся город и флот. И вся Его родня, хочет она того или нет, обязана жить по-европейски.

Бедное наше Измайлово! Где над утренними зорями се-ребрится звон колоколов. Косари по утренней росе кладут рядами сочную траву, а девки с песнями собирают ягоды в господском саду. Где рано ложатся спать, а на праздники поют частушки и водят хороводы. Патриархальная Русь, оплот старого российского дворянства.

Ни бабушке, ни маме не хотелось отсюда уезжать. В Петербурге ветрено, стыло, не обжито. И дорого, чего уж там! Жизнь суетливая, челядь заносчивая, да еще и царские причуды бесконечные.

А мне, пятилетней, было интересно. Меня проблемы взрослых не волновали. Переезд и все такое. Но я видела, как бабушке становится все хуже.

Несмотря на пошатнувшееся здоровье, ей приходилось вести в новой столице бурную светскую жизнь. Невестка государя не пропускала ни маскарада, ни свадьбы, ни торжества в Сенате, и везде осушала бокалы наравне с остальными гостями!

Государь особое пристрастие имел к спуску на воду кораблей, так вот старушка подъезжала к «новорожденному» на барке, в которой обычно перевозились грузы, и не в силах выйти из нее, поздравляла пирующих оттуда, усердно осушая чарки, посланные императором.

Ведь столько голов полетело, а бабушку не тронули. Шутов с шутихами не разогнали, только велели прикрыть родную старину Амурами, то есть парадные комнаты отделать и обставить по-европейски, а царевнам нанять учителей-немцев. И дом в Санкт-Петербурге позволили построить рядом с царским. Так что Владычица держалась изо всех сил, правда на допинге.

Без нескольких бутылок вина вообще никуда не выезжала. А ни один гость не уходил от нее, не осушив, стаканов пять. Бабушка сама же и подавала крепкое винцо, и стакан опорожняла вместе с гостем.

Неумеренное питье и сгубило старушку.

Помню, как мучительно она умирала. И как плакала мама. Мы теряли надежный щит, закрывающий нас от невзгод.

Потом заболел государь. И после его кончины началась кровавая драка за трон.

Мы с мамой спрятались все в том же Измайлово. И она счастливо избежала участи младшей сестры, тоже претендентки. Которая скончалась по официальной версии от тяжелой болезни.

Мама также была в числе фаворитов, но ее сочли слишком уж своенравной. Раз от мужа-герцога сбежала, то министров и подавно не станет слушать. А на трон хотели посадить марионетку. Кандидатура свет-Катюши не прошла, все вдруг вспомнили, как в девичестве она резвилась на балах, хохоча и кокетничая напрапалу, а иностранным послам го-

ворила все, что в голову взбредет.

Короче, пронесло. На трон взошла не слишком трезвая вдова-императрица, потом ее сменил мальчишка, а государством управляли временщики.

Пока у власти были слабые правители, мы с мамой чинно стояли в сторонке. Радуюсь, что царственные родственники о нас позабыли. Измайлово, затянутое паутиной времени, заметно потускнело, но здесь по-прежнему было уютно и сытно.

Еще несколько лет я наслаждалась детством. Мы жили то в Санкт-Петербурге, то в Москве, но чаще в любимом всей душой Измайлово, всячески избегая высшего света. Недостроенный бабушкин дворец в Петербурге отдали Академии, и мы нашли жильё попроще.

В Москве так и вовсе останавливались у родни. Не той, что царская, а с бабушкиной стороны, опальной. Никто же не знал, что звезда вскоре взойдет над родом Салтыковых. И новой императрицей станет моя тетка. Которая пока томилась в Курляндии.

А мы с мамой жили крадучись, как мышки. Никто нами и не интересовался, но главное, никто не посягал на нашу свободу. Я потихоньку взрослела, набиралась ума, и готовилась к встрече с судьбой.

Мне ведь было обещано бесконечное женское счастье.

И в тринадцать лет я «отправилась в пункт выдачи заказов». Наследницей короны. Потому что тетка была бездет-

ной, а закон о престолонаследии обойти нельзя. И где нам взять наследника?

Правильно: его надо родить.

С этого и начинается *моя* история. Альтернативная. Уникальная. Я стала взрослой, и мы преодолели пятую часть пути в созвездие Девы. Наш ковчег.

До этого момента все было предсказуемое. Суаделла со-сватала мне историю правительницы Анны Леопольдовны. Эта богиня недоделанная, Суада-3, говоря современным языком, пошарила в стоках. И выдернула оттуда исторический шаблон! Настоящий, блин, хлам!

Но в тринадцать вылупилось мое Я.

С этого момента я могла оценивать поступки свои и других людей. Принимать решения. Отстаивать свое мнение.

И появился мой уникальный мир. Кто знает, сколько таких миров? А вдруг мы все летим к звездам? И планеты нашей больше нет. Или она во власти нейросетей.

И каждый живет, согласно промпту. В своей капсуле.

Главное, чтобы не было скучно.

Глава 2

— Ну-ка покажись, — меня впервые вызвали к тетке.

Я недоумевала: куда это меня привезли? Вот уже год как строится Зимний дворец для государыни, потому что в доме Апраксина, конфискованном в пользу казны, тетке Анне показалось тесно.

А он был в Петербурге лучшим! Каменный, в три этажа, на почетном месте. Снесли уроды! Прекрасный памятник архитектуры, истинный шедевр, гори они в аду, эти варвары.

Меня же вызвали сюда, во временное жильё. Дорогу я запомнила плохо. Волновалась.

Тринадцатилетний подросток, до этого дня трава в поле, хоть и знатного рода, но, считай, побирушка. Отец разорился и умер, бабушка тоже умерла, все, кто нам благоволили, кинулись искать расположения новой знати. Немцев, прибывших с матушкой-государыней из Курляндии.

Три года, как она на троне. И обо мне вдруг вспомнили!

По дороге сюда мне шепнули на ушко, что именно меня и выбрали наследницей короны.

Ни о сестрице Елизавете, ни тем более о чёртушке голштинском Петере тетка моя и слышать не желала. Вот и подсказали: из Салтыковых возьми, как-никак свои.

Над проектом «Наследник» работали двое. Вице-канцлер и первый командир Измайловского полка. Тетка мало того,

была неравнодушна к военным. У нее еще и хобби имелось — пулевая стрельба!

Я с удивлением осматривалась. Меня приняли в мрачной стылой галерее! Никто не собирался со мною церемониться. Напротив.

В конце стояла черная доска с мишенью. Вокруг горели свечи. А в руке у тетки Анны было ружье! И судя по всему заряженное!

Меня проверяют, что ли?! Резерв моей нервной системы? Зрелище то еще! Полигон! Может, мне патроны подносить? Но пока я просто стояла и молчала.

Придворные с равнодушными лицами смотрели на дрожащего от холода подростка, стоящего под дулом заряженного ружья. Тетка прицелилась вроде бы в мишень. Но кто их знает, самодержцев? Если дуло переведут немного вправо...

«Это мафия, детка, — сказала я себе, собрав в кулак и нервы, и мужество. Завязалась в узел, короче. — Хочешь выжить — заручись поддержкой главаря».

И послушно повернулась через плечо, как по команде «на-право!», давая рассмотреть себя со всех сторон. Решается моя судьба, и мало ли, что мне пообещали. Какая-то Суаделла. И где? На Земле!

А мы уже за пределами Солнечной системы. Кому предъявлять претензии? Юпитеру? наших здесь нет.

— А чего такая маленькая и тощая? — недовольно спросила тетка, опуская ружье. Оценила мою покорность.

Сама она возвышалась, чуть ли не на голову даже над мужчинами! И была невероятно толста! Эта глыбища бесцеремонно меня рассматривала, прикидывая: гожусь или нет?

И видимо осталась недовольна. Потому что подняла ружье, прицелилась и – бах! Я поневоле вздрогнула. Но, похоже, пальба в царских хоромах была обычным делом. Государыня забавляется. Стресс снимает.

— Говорят, ты болезненная? – меня сверлили взглядом, пока заряжалось ружье, и тренировку по стрельбе поставили на паузу. – А чего такая смурная и неказистая?

На себя-то посмотри! Я невольно вспомнила русские сказки, которыми так щедро потчевали в Измайлово. Чудище-страшище!

— Остерман, — обернулась тетка к шеренге придворных. Смотрины мне устроили по полной программе. – Подь сюда!

Один из моих благодетелей поспешно шагнул вперед, и мой взгляд невольно уперся в белые чулки. Чистоплюй. Подкладка у плаща тоже была белая, шелковая. Сам-то утепился! А я стояла в одном только платье и невольно ежилась.

Пахло порохом и свечной гарью. Не знаю, как в парадных комнатах, а судить по галерее – это сарай! В щели дует, потолки низкие, закопченные.

— Я здесь, государыня-матушка!

— Ты кого мне привел?

— Это ваша племянница, единственная дочь Екатерины Иоанновны, старшей сестрицы вашей.

— Это я и без тебя знаю! А родить она сможет?

Я снова вздрогнула. Мне всего тринадцать! Родить?! Ничего себе, счастье привалило! А где обещанное богатство? Где сладостное безделье? Праздник вечный где?

— Она сможет, — не моргнув глазом, сказал вице-канцлер. — Подрастет маленько — и сможет.

— И сколько мне ждать?! — грозно спросила самодержица.

— Вы ищите жениха, а девица созреет к тому моменту, как он сюда, в Санкт-Петербург зайвится.

— Я?! Нет уж, други мои. Вы в этот воз впряглись, вы и вывозите. Сам этим займись, понял? Найди там... Принца какого-нибудь. На худой конец герцога.

— Слушаюсь, ваше величество!

Величество подняло ружье и снова — бах! Надо сказать, что тетка палила метко. Вот только уши закладывало. И от ее голоса тоже.

Не удивительно, что она не замужем, по слухам, иноземного принца, решившего как-то подкатить, дружно высмеяли и выперли из Санкт-Петербурга, всучив шубу с царского плеча. По старинному русскому обычаю. Небось, бедняга в этой шубе утонул. Ничего, будет вместо одеяла.

Мне захотелось сбежать. К тому же я окоченела. Остерман подошел и вдруг обнял меня. Нет, это не была фамильярность. Меня просто хотели согреть. Пока не околела тут.

— Разрешите идти, ваше величество?

— Ступай.

— А... каково ваше решение?

— Я подумаю.

И снова – бах! Ружье все время должно быть заряжено, пока самодержица в галерее, — вот что я поняла. Это место дрессировки новеньких. Ну и допроса с пристрастием. Похоже, что боевое крещение я прошла. Хоть и щуплая, а роста небольшого, но характер налицо.

— Идем, — подтолкнул меня к двери Остерман. Полдела он провернул.

Я дала себя увести. Дрожала с перепуга, эмоции переполняли.

— Ну а что? Императрица же, — сказал в макушку Остерман. И добавил: — Правительница.

Даже обидно, что женщине, положившей начало «бабьему царству» в России, историки уделили так мало внимания. А ведь она сама правила! И военные кампании сама планировала! Глядя на заряженное ружье, лежащее на столе.

Что касается ее фаворита, не все так однозначно. Других-то не было. Не трогала теткино сердце мужская красота. А вот из ружья палить была горазда.

— Хорошо, что зима, — вздохнул Остерман. – У нас летом окна нараспашку. Государыня стреляет во все, что мимо летит. Вороны, галки, воробьи. И в меткости с ней ни один гвардеец не сравнится.

— Вы уверены? – робко подала голос я. – В самом деле, не сравнится?

— Что, страшно?

Я, молча, кивнула.

— Идем, поговорим.

В комнате, куда меня привели, было тепло. Как хорошо-то, а! Вот оно, счастье!

— Садись.

Я села.

— Крещение примешь? – без обиняков спросил Остерман.

Я, молча, кивнула.

— Молодец. Я уговорю государыню: она сама будет твоей крестной. Вроде как удочерит.

— А почему... — я решилась. – Почему у нее самой нет детей?

— Молчи об этом! И вообще: пока ты никто, язык за зубами держи.

— А моя мама... — робко заикнулась я.

— И об этом молчи.

Я вспомнила, что мама старшая из сестер. И если уж мужская линия пресеклась, то справедливо было бы женщину делегировать на престол по праву первородства. Тетка тоже об этом помнила.

Но мама была тяжело больна, и ее оставили в покое.

Меня стали готовить к обряду Крещения. Потянулись однообразные унылые дни. Прошел месяц, другой... Наступила весна, и стало намного легче.

Небо уже не давило, не нависало свинцовой плитой прямо над головой. Облака разошлись, распоротые, как острыми ножами сверкающими солнечными лучами. И под грубым серым полотном оказался нежнейший лазурный шелк.

Прогулки стали приятными, и я частенько ускользала от грозного наставника, главы Синода, чтобы пройтись вдоль Невы, поглазеть, как течение уносит в Финский залив нерастаявший лед.

Никто мною особо не интересовался. Я поняла, что тетка еще раздумывает. Но видимо уговорили. Фаворит подключился. У него на меня были планы, как потом выяснилось.

В апреле назначили дату. Мне оставался месяц, чтобы затвердить каноны православия и без запинки пройти обряд. Пост, очищение, молитвы бесконечные. Тут уже не до прогулок.

Я благоговейно слушала своего наставника. Повторяла за ним слово в слово. Была послушной девочкой, короче. Мне нужен был титул. Официальный. И я его получила.

В купель вошла в одной сорочке. И честно окунулась с головой в освященную воду. Трижды.

— Крещается раба божия Анна...

После чего меня облачили уже в крестильную рубаху и на шею надели православный крест. Мы с батюшкой трижды обошли купель. Тетка наконец-то улыбнулась.

— ... Леопольдовна, — вспомнила вдруг я.

Почему ж не Карловна? Папу вроде так звали. Откуда

Леопольд какой-то взялся? Митрополит напутал? Вот башка дырявая! А мне теперь с этим жить и в историю войти!

Зато государыня дала мне свое имя! Умиравшая мама слабо улыбнулась. Это ведь она примирила двух упертых женщин. Царицу Прасковью и ее младшую дочь. Они друг друга не выносили. Но перед смертью моя мама уговорила вдовствующую царицу написать Анне в Курляндию.

Видимо, тетка об этом вспомнила перед моим крещением. И даже подошла потом к старшей сестре.

— Я прощаю тебе все, Катюша, — сказала еле слышно.

Хотя прощать было нечего. Разве что любовь царицы Прасковьи, которая всегда выделяла свет-Катюшу из других своих дочерей и баловала. Скорее, это государыня перед старшей сестрой была виновата. За трон, который заняла случайно. Но разве с правителями спорят? Да еще с такими.

Мама кивнула и попросила благословения. Всего через месяц она умерла.

А для меня началась новая жизнь, уже в ранге наследницы. Принцессы.

Я получила щедрое денежное содержание, личные апартаменты и целый штат прислуги. Все, как по заказу. Правда тетка велела сделать из меня, пацанки, образцовую принцессу.

Обучить манерам и танцам, и чтобы не чуралась более людей. А то я в свое Измайлово одичала.

Ха! Людей! Те, которые раньше меня презирали и говорили «скажи спасибо, что еще жива», теперь лебезили. Присылали дорогие подарки. Норовили на уши присесть. Наследница!

При дворе шла непримиримая борьба двух партий, немецкой и русской. Первую само собой возглавлял теткин фаворит Бирон. А вторую генерал-адъютант Волынский.

На самом деле это была банальная драка кланов за чины, награды и поместья с тысячами душ. И мне хотелось заткнуть уши, когда начинали нахваливать кого-то из этих двоих. Потому что мне ни один не нравился.

Бирон, хитрая лиса, хотел породниться с царской семьей. И терпеливо ждал, когда я отвергну жениха, выбранного моими благодетелями. Наверняка ведь руку приложил, зараза! Не верю, что в Европе нет нормальных принцев! Это мне прислали... бракованного.

Все немец мутит! Власти ему мало! Вон, покойная императрица Екатерина, даже будучи замужней, умудрялась романы крутить! А тетка как прикипела к своему немцу! И на двери ее спальни пудовый замок, ключ от которого у сердечного друга Эрнста!

Но я же вижу, что он лжец и лицемер. И не любит ее вовсе. И понимает, гад, что положение его непрочно.

Не станет тетки – и он испарится, как не было. В ссылку

выпрут. В Сибирь. Если, конечно, сбежать не успеет на историческую родину.

Потому и крутится возле меня, наследницы. Ведь его соперник из старого столбового дворянства, из бояр. Не пришлый.

Но Волынского я терпеть не могла за жестокость. Как-то он при мне ударил женщину во время карточной игры, после банкета по случаю тезоименитства, куда и меня привезли. Тетка настаивала на том, чтобы меня выводили в свет, а не только математикой пичкали.

После этого случая мне расхотелось покидать свои покои, где я грезила над книжкой. Любовным французским романом. Мир, где не было Интернета, гаджетов и нейросетей, оказался невероятно жесток. Чего я не учла.

Эпоха дворцовых переворотов. Средневековые пытки и казни, не только милая сердцу старина.

Волынский к примеру с упоением бил свою служанку, крепостную. За пустяковую провинность. Бедняжка попыталась оправдаться, и я прекрасно знала, что она не врет. Ее толкнули, я это видела, потому и чарка на подносе расплескалась. Возможно, что подставили. Но несчастная сделала только хуже, надо было промолчать. Обошлось бы оплеухой.

Но Волынский был не в духе, и я стала свидетельницей настоящего припадка. Мужчина в гневе избивал ногами лежащую на полу женщину! А все стояли и смотрели, как будто ничего *такого* не происходит!

Да он же психопат!

Когда я хотела вмешаться, кто-то схватил меня за руку.

Я обернулась: Остерман.

— Идем отсюда, — и меня потащили прочь.

— Но служанка...

— Не лезь в это. Он забивает слуг и не только их до смерти даже в Великий пост. Греха не боится. Любит кровушку пустить.

— Но женщина... — я попыталась вырваться.

— Она его собственность, — мою руку лишь крепче сжали. И поволокли с удвоенной энергией к выходу. — Ей просто не повезло сегодня. Артемий с Бироном опять сцепились. Волынского в который раз поймали на мздоимстве, а государыня заступилась. Фаворит, похоже, ревнует. Видишь — все сегодня здесь, весь двор, а Бирона нет.

— Да он же старый, Волынский этот! — удивилась я.

Остерман рассмеялся:

— Для тебя да. Хотя, любовь тут не причем. Власть делают. Артемий долго был в опале, а теперь свое хочет взять. И к немцам ловко подкатил, и государыню-матушку очаровал. Царская родня! Своя кровь!

— Родня?

— Ты что не знаешь? — удивился Остерман. — Он ведь женат на племяннице покойного императора. Учи историю древних дворянских родов — это первое, — сурово сказали мне.

Какое там учи! Меня романы интересовали гораздо больше.

В отличие от матушки я была способная к языкам, и вскоре бегло читала и по-немецки, и по-французски. Книжные истории меня захватили.

А власть и без меня поделят. Вот приедет жених...

— Скоро, — улыбнулась за ужином тетка. — Приглашение уже послали. Готовься, невестушка.

Я прямо зарделась. Мне надо выйти замуж. Это предопределено. И я ничего не имею против. Мне очень хочется семью и детей.

Я не желаю ввязываться в дворцовые интриги. Сколачивать какую-то свою партию. Вербовать сторонников. Пусть муженек этим занимается.

Он, небось, уже мчится.

Но случилось это только зимой. Долго запрягали, да и дороги осенью развезло. Посольство увязло в грязи, пока надежно не подморозило. Потом тащились к нашей новой столице, без особой поддержки местной знати.

Какой-то захудалый принц, бедный, неприглядный, ни выправки, ни стати, едет, чтобы поступить на службу в российскую армию. Эка невидаль! Там этих иноземцев — как грязи!

О том, что к императорскому двору едет мой жених, послы умалчивали. Согласия на брак ни моего, ни теткингого еще не было. Просто смотрины.

Но моя судьба до Санкт-Петербурга все же добралась.
Встреча с будущим мужем это отдельный рассказ.
Такой подлянки я не ожидала. Честно.

До этого момента полет проходил в штатном режиме. Чер-
товы роботы! Они, по ходу, ни уха, ни рыла в мужской кра-
соте!

Суаделла, я тебя растерзаю! Выберусь из своей капсулы,
возьму в руки молоток и каааак... Прямо в экран тебе за-
леплю!

Подсунула мне...

Короче, други: внимайте.

Глава 3

Тетка, непримиримо и рьяно боровшаяся с пьянством, праздники, тем не менее, обожала. Но без возлияний. Она прямо-таки поломала традицию, положенную царями-предшественниками. Про бабушку я уже говорила. Как старушку сгубило вино. И так пили почти все аристократы в ее время.

Но теткин муж, не выдержав горячего российского гостеприимства, скончался на постоялом дворе, по дороге на родину. Медовый месяц закончился трауром, новобрачная внезапно стала вдовой и объявила крестовый поход на алкоголизм, едва в ее руках оказалась безграничная власть.

Она постоянно издавала указы: запретить! А повеселиться любила. По-русски, с размахом! Сейчас расскажу, куда тратились деньги.

Мы не знали, когда именно придет мой жених, но так получилось, что бедняга попал с корабля на бал.

И был само собой ошарашен. Немцы, они прижимистые. А тут не День рождения, не Новый Год и не Пасха. Всего лишь тезоименинство. День святого, покровительствующего государыне. Но в Европе и Новый год с таким размахом не встречали, как мы третье февраля, день святой Анны.

На ледовом поле перед еще недостроенным Зимним дворцом тысячами огней засиял дивный сад. Зеленые, синие,

красные... В центре этого искусственного сада красовался вензель государыни с короной, причем корона была такого же цвета, как и настоящая. Точь-в-точь.

Петропавловскую крепость, Адмиралтейство и Академию наук украшала праздничная иллюминация. На все это пошло больше ста пятидесяти тысяч светильников! Честно!

Тетка любовалась зрелищем из окна, когда доложили о прибытии принца Антона. Я стояла рядом и невольно приосанилась.

Мой будущий муж приехал! Та родственная душа, которая потянется к моей, и мы будем тихо, по-семейному счастливы. Мне большего не надо.

Не хочу я власти, только чтобы не лез никто. Не помыкал. Не распоряжался мною, как вещью. Да и деньги... У меня все есть, содержание положили немаленькое.

Мы будем гулять по саду, взявшись за руки, обсуждать прочитанные книги, само собой любовные романы, потом целоваться на скамейке под цветущими липами...

Хрустальный шар моей мечты треснул, едва принц Антон вошел в бальную залу. Весь паркет был в осколках, потом я поняла, что это слезы. Мои.

Он был тщедушен, бледен, волосы почти бесцветные, глаза... В них я боялась посмотреть. Не дай Бог, принц прочтет мои мысли!

Это не он!!!

Не мужчина моей мечты. И вообще не мужчина. Сколь-

ко ему? Восемнадцать? А выглядит моложе. Пацан какой-то. Неуклюже поклонился, тут же смутился, щеки порозовели. И наконец-то осмелился поднять на меня глаза.

Вздрогнул и отступил на шаг назад. Я разозлилась. Не красавица, да. Но и не страшная. Миловидная брюнетка, волосы густые, талия тонкая. И у меня хорошая кожа.

А я эта моль белая мною брезгует...

Тетка тоже недовольна осталась. Осмотром и опозданием. Хмуρο сказала:

— Наконец-то!

Но ловкий Остерман, вдохновитель этой авантюры, вовремя напомнил:

— Сейчас будет фейерверк, ваше величество. Идемте скорее в сад.

И про неказистого как-не-принца тут же забыли. Я смахнула слезы и пошла вместе со всеми любоваться зрелищем.

Озадаченный Антон застыл на том месте, где отвесил такой корявый поклон, пока кто-то из царедворцев простецки не ткнул высочество локтем в бок:

— Чего застыл? Сейчас палить начнут! Такого ты в своей Голштинии не видал!

— Я из княжества Браушвейг, — робко напомнил Антон.

Ошеломленный таким «гостеприимством». Сказали одно только слово. Недовольным тоном. И все тут же куда-то понеслись. Императрица первая.

— Ох уж эта ваша немецкая колбасная нарезка! — закатил

глаза находчивый придворный. — Да в одной нашей Тамбовской губернии три твоих княжества без труда разместятся!

Антон хотел, было, возразить, насчет размеров, но и ему охота была увидеть фейерверк. Хотя принц уже и так увидел достаточно, чтобы понять: он приехал в страну несказанно богатую. И огромную. Одну промашку уже сделал: не понравился первым женщинам империи. Государыне и ее племяннице.

Был робок, скован, косноязычен, если молчание можно так истолковать. Но ведь он приехал не просто так, а с кучей книг по инженерии и фортификации и ценными записями. В которых полно умных мыслей.

Антон долго думал над тем, как преобразовать эту все еще варварскую страну. Готовился. Учился. Размышлял и консультировался. Готов был служить России верой и правдой. На поле брани доказать свою отвагу.

Но покамест несчастный принц Антон вздохнул и пошел вместе со всеми смотреть фейерверк.

По дороге кто-то из жалости накинул на плечи высочества лисью шубу:

— Не замерзни, принц.

Февраль на Неве студеный. А тут прогулка по льду! На Антоне были холодные сапоги, больше подходящие для браушвейгской грязи, в то время как даже государыня надела валенки: ее столица утонула в снегу. По льду мела поземка, почти задувая светильники. Но царедворцы свое дело знали.

Нагнали крепостных, и дорожки в ледяном саду к приходу императрицы были расчищены, а вензель величественно сиял.

— Молодец! – похвалила государыня Волынского.

Друг сердечный Эрнст такое баловство не одобрял. Он свое богатство в постели отрабатывал. А у боярина Волынского душа и с крыльями, и с размахом. Люди для него – грязь. Деньги – тлен. Как пришли, так и ушли.

Про огромные взятки, которые ему приписывали, забыли тут же. Небо над ледяным садом тоже расцвело. На реке закрутилось огненное колесо, брызнули фонтаны искр, прямо из сугробов, и под адский грохот над Зимнем вспыхнул и тотчас рассыпался на мириады звезд золотой шар.

Дворец еще не был достроен, но никто не думал об экономии. Кроме Бирона, который морщился при каждом новом залпе.

Сотни золотых червонцев улетали в почти беззвездное февральское небо! Лишь только для потехи! Но государыня смеялась и хлопала в ладоши. А рядом с победной улыбкой стоял Волынский.

Я же на шаг позади. Мне было холодно. Вина я по малолетству не пила, а шубу накинула прямо на открытое бальное платье. Шея голая, в широкие шубные рукава задувает. Головной убор не надел никто из дам: неприлично. Да и прическа помнется, а столько сил на нее ушло!

Стыло было и на душе. Я испытала сильнейшее разоча-

рование. Обернулась, услышав то ли всхлип, то ли вздох: оно. Недоразумение ушастое-глазастое. Принц Антон в лисьей шубе поверх потрепанного мундира. Нелепое зрелище. Лицо бледное, в волосах запутались снежинки.

Бесплотный он какой-то. На ангела похож.

— Ваше высочество. Я не имел возможности выразить вам свое восхищение... — он сказал это по-немецки.

Грянул залп, и я с полным правом переспросила:

— Чего? – по-русски.

Он аж помертвел! Хотя, куда ж еще мертвее?

— Вы не говорите по-немецки?!

Ага. Читаю и пишу со словарем. Но мне не о чем с ним говорить. Я кивнула.

— Клянусь, я выучу ваш родной язык!

Мой родной как раз немецкий, милый. Потому как папа мой тамошний герцог. Но я с четырех лет живу в России, и ты, пожалуй, прав. Мы должны говорить на языке этой великой страны.

— Я заслужу ваше доверие и... любовь, — упирался он, поскольку я молчала.

Либе только дурак не поймет. Смысл и дальше невежей прикидываться?

— Liebe duldet keinen Zwang! – отчеканила я.

Любовь не терпит принуждения!

Видели бы вы принца в этот момент! Он все прекрасно понял. Что я из него дурака сейчас делаю. И замуж за него

не хочу.

Тетка была того же мнения:

— Присмотреться надо.

А я была готова весь день на коленях простоять перед ее величеством:

— Вам ведь нужен здоровый наследник!

«И красивый», — так и хотелось добавить мне. А этого, прости меня Господи принца, ветром сдувает! На льду раз пять поскользнулся, пока обратно шли!

Я его даже за руку схватила, не удержалась:

— Стоять!

Еще голову разобьет и тогда застрянет тут надолго, зараза! А мне надо, чтобы он свалил обратно в Браушвейг!

Антон шмыгнул носом:

— Спасибо, фройляйн.

Фройляйн! Принцесса я, болван! Но он так замерз и расстроился, что добивать не стала. Пенять на незнание этикета. И тетке ябедничать. Лишь намекнула на слабое здоровье высочества.

Что, других женихов в Европе нет? Так ищите! А этого сдайте назад, в камеру хранения. Кто-то руки погрел, это уж наверняка. Только за взятку можно было притащить к российскому двору это чучело!

Но опять вмешался Остерман:

— Мое решение было принято не случайно.

Издевается! Что он такого разглядел в Антоне? Неорди-

нарного.

— Поясни, — хмуро сказала тетка.

— Его высочество образован и умен. А также храбр.

— Видала я его храбрость, — не удержалась самодержица.

И съехидничала: — Чуть не обделался при знакомстве.

— Вы производите сильное впечатление, матушка-государыня, — нашелся Остерман. — С вашим величием не сравнится ни один из европейских монархов, хоть вы и женщина. Вот принц и растерялся. Он вами настолько восхищен, что не может подобрать слова.

— А говоришь, умный!

— Дорога была утомительной, — Остерман был скользкий, как уж. И тут ведь вывернулся! — Иноземцы не привычны к нашему климату. Принц освоится, и вы его оцените.

— И что с ним делать прикажешь? Пока не освоится.

— Ее высочеству принцессе Анне всего четырнадцать. О замужестве говорить рано. Принцессе надо много учиться. И по-женски созреть. А ее жених пока послужит России.

— Никакой он мне не жених! — вскипела я. — Помолвки не было!

Остерман вопросительно посмотрел на государыню. Она кивнула: не было. Я расцвела.

— Но не отправлять же его обратно, — развел руками Остерман. — Принц сюда так долго добирался. И распрощался с родиной навсегда. Надо бы дать ему шанс.

— Зачем же обратно? — усмехнулась самодержица. — От-

правим его в действующую армию. Раз принц приехал к нам в Россию, чтобы поступить на военную службу. Убьют – невелика потеря. Этих принцев в Европе, как грязи. Другого найдешь. Дайте этому... как его? Антону чин... — она задумалась... — полковника. И кирасиров полк. Пусть воюет.

— Ему же всего восемнадцать, — не удержался вице-канцлер.

— Самое время повзрослеть, — невозмутимо ответила тетка.

Когда Остерман ушел, я бросилась ей на шею:

— Спасибо, спасибо, спасибо...

Она, ворча, расцепила мои руки:

— Меня-то никто не спрашивал. И не заступился никто. Отдали за пьяницу. Матушка меня не любила, лишь бы с рук сбагрить. Дядя велел оставаться в Курляндии, когда овдовела, домой не позвал. А ты ишь, разборчивая какая. Велю – и пойдешь за доходягу Антона. Зато не пьет.

Это верно. Теткина участь мне не грозит. К алкоголю мой жених равнодушен. Но сначала он отправится на войну. А там, глядишь, и убьют.

Вали, короче, майн либе. А я тебе ручкой помашу.

Выбор у тебя не велик: либо назад, к папе-маме, либо под пули. Я очень надеялась, что Антон сбежит из России и навсегда исчезнет из моей жизни.

Но принц без раздумий и каких-либо комментариев принял кирасирский полк и в самом деле отбыл вместе с ним ре-

шать проблемы на российской границе. Благо их всегда хватает.

А я погрузилась в свой сладостный сон. В любовные романы. Пока, увы, книжные. Занятий не пропускала, но и рвения не проявляла. Затвердила, что надо, не планируя управлять государством. Больше для общего развития.

Так прошло больше года. Антон мне писал, но читала я через раз, зевая. О проявленном им героизме. Хотя вру: никогда он не хвастался. А том, как повел солдат в атаку, размахивая своей шпажонкой.

Да нет, там полноценная шпага, судя по рассказам очевидцев. Которые рано или поздно добирались и до императорского двора.

— Принц не щадит своей жизни, — с уважением говорили brave генералы. — Хотя еще очень молод. В быту неприхотлив, ест солдатскую пищу, носит старый мундир, а все свободное время читает.

— Романы? — жадно спросила я, услышав родное моей душе слово «чтение».

Докладчик с трудом сдержал улыбку:

— Его высочество грамотный инженер и уже принес немало пользы в возведении оборонительных сооружений. Он также силен и в военной тактике. Я не видел у его высочества ни одного романа. Только нужные книги, полезные.

Я разочарованно вздохнула: зануда. Выслужиться хочет. Не я ему нужна, а корона Российской Империи.

Но черкнула пару строк: будь здоров, не кашляй. На льду не поскользлись.

А потом произошли события, которые и стали причиной моего второго рождения. И про Антона я забыла напрочь.

Достроили Зимний дворец, и мы с государыней перебрались туда.

Но главное не это.

В Санкт-Петербург приехал *он*.

Глава 4

— Завтра к нам приезжает новый саксонский посланник, — и моя не слишком придиричивая и строгая воспитательница принялась охорашиваться. — Он сейчас на постоялом дворе, под Петербургом. Прислал весточку прусскому посланнику, а тот шепнул на ушко мне.

Понятное дело: они же родня! Прусский посланник и со-сватал генеральшу мне в гувернантки. А заодно шпионить. Та еще растяпа, кстати. В моих личных вещах роется так небрежно, что мне одного взгляда достаточно, чтобы понять: был шмон.

Я критически смотрела, как генеральша Адеркас пудрит длинный любопытный нос и перебирает веера с мушками, главное оружие светской львицы в борьбе за поклонников. По-моему не светит. У гувернантки такие смешные ужимки. И плохие зубы. Она рассеянна и то и дело опускает веер, которым прикрывает рот. Любовника у генеральши нет.

Мы обе лишь мечтательницы, но ради интереса и я порылась в аксессуарах обольстительницы, в душе смеясь над этим бесполезным хламом.

И ловко уклонилась, когда пуховка нацелилась на мой лоб.

— Блестит, — сказала Адеркас. И попеняла: — Вы совсем

за собой не следите, ваше высочество. И за модой тоже.

— Если я буду следить за модой, мой жених возьмет, да и влюбится. И я уже никогда от него не избавлюсь. Я хочу, чтобы принц Антон меня возненавидел.

— От судьбы не уйдешь, — философски заметила госпожа Адеркас.

От судьбы нет. Но Антон не моя судьба, я была в этом уверена. Подожду настоящего принца. Пусть генеральша прихорашивается для какого-то саксонского посланника, а я не стану. Кто он такой? Да никто. Не принц уж точно. А вот я принцесса!

— Ничего нет новенького, почитать? — спросила я, отодвигая коробочку с мушками. Ни к чему. Ни мне, ни генеральше.

Адеркас, как и я, утешалась любовными романами. Мне был противен жених, а генеральше супруг, привыкший спать в военном лагере, в палатке на топчане, а не с женой в кровати. Это Адеркас подсунула мне «Путешествие в остров любви», которым я буквально заболела.

Мы читали взахлеб, обнявшись, и ревели. Хоть кто-то разделит мои чувства!

— Вы уже все перечитали, ваше высочество. Писатели не пишут так быстро, как вы глотаете книги. К тому же дороги опять развезло. Посылка из Пруссии задерживается.

Не то чтобы мне переправляли контрафакт. Читать не запрещено. Но тетка предпочла бы, чтобы я увлеклась наряда-

ми, а не книгами. И почаще бывала в свете. На приемах и балах. Деваться некуда, завтра пойду приветствовать вместе со всеми нового саксонского посланника.

Постою рядом с теткой, кивну своим благодетелям, прииму их раболепные поклоны. Ибо указ уже подписан. О престолонаследии. Я – мать следующего правителя. А пока он не повзрослеет регентша. То есть фактически императрица. Хозяйка полноправная.

— Когда?! – нетерпеливо спросили с порога.

Я с неприязнью посмотрела на распахнутую дверь. Придворная дама явно забылась. Она тоже вспомнила, где находится, и кто перед ней стоит.

— Простите, ваше высочество, — и женщина, надо сказать, довольно красивая, притворно потупилась и сделала реверанс. — Могу я поговорить с госпожой Адеркас?

— Говорите при мне, не стесняйтесь, — великодушно разрешила я.

— Я только хотела узнать, когда приезжает граф Линар.

— А что в нем такого примечательного? – я зевнула. – Ну, завтра.

— О! – у дамы округлились глаза и рот. – Боже, я ведь не успею!

— Что именно?

— Привести себя в порядок!

Я, честно говоря, не нашла ни одного изъяна ни в прическе дамы, ни в макияже, ни в одежде. А что же такое тогда

порядок? Я вот не причесана, хотя уже три часа дня, и можно сказать, неодета. И мне наплевать, как я выгляжу.

— Мне надо предупредить портниху. Чтобы новое платье было готово к завтрашнему дню! – заторопилась дама.

— Да из-за кого вся эта суета?

— Граф Мориц Карл Линар первый красавец при Саксонском дворе. Его семья имеет итальянское происхождение. Поэтому граф не только красив, но и галантен. Он станет украшением нашего двора. Такой блестящий кавалер!

— Надеюсь, он не старик?

— Ему тридцать один год.

— И все еще не женат?

«Вот повезло», — подумала я, и вдруг услышала:

— Он вдовец.

Какое унылое слово. Я тут же потеряла к Морицу Карлу Линару всякий интерес.

Поэтому в тронном зале меня как громом поразило. Потом сверкнула молния, его глаза, которые мимолетно меня обласкали. Он на всех женщин так смотрел, но на меня так смотрели впервые!

Никого красивее я в жизни не видела! А голос?! Бархатный баритон, от которого по коже мурашки!

Это ангел, дарованный мне небесами! Я буду жить для и ради него!

И вечером я с энтузиазмом копалась в мушках, заказав портнихе сразу пять новых платьев!

До этого момента я еще помнила о том, что у меня есть жених. И даже что-то ему писала. Но принц Антон вылетел из моей головы напрочь, пока ослепительный граф Мориц Карл Линар шел к нам с теткой своей неподражаемой походкой.

Он и принц Антон это же небо и земля! Один неуклюжий, робкий, косноязычный, а другой само изящество и непринужденность. Не говоря уже о внешности.

Высокого роста, статный, белокурый, с прекрасной белой кожей. Оживший Аполлон, короче. Глаза, как васильки, яркие, синие. Об улыбке молчу.

Меня словно облако обволокло, и я оказалась в раю. Думала только одно:

Это Он.

— Хорош, — не удержалась тетка. Ружья при ней не было, графа принимали по всем правилам придворного этикета. Иностраннный посол как-никак. — С собой, поди, пять возов нарядов захватил. Чулки да помады.

— А еще французского вина, породистых лошадей, картины и книги, — нашелся граф.

Я вздрогнула: книги! А тетка услышала только про вино. И нахмурилась:

— Ты гляди, не балуй.

Наша жизнь в новом Зимнем дворце представляла собой причудливую смесь европейских обычаев, русского быта, зашкаливающей религиозности и старинных обрядов с гада-

ниями и песнопениями. Скоморохи и юродивые наводняли покои. Но, слава богу, не мои.

Тетка была по-солдатски груба. О политесе она не думала. Все подданные были ее рабами. Чего церемониться?

Не знаю, как понял граф Линар ее слова, но он сказал:

— Я вдовец, ваше величество. Три года прошло, как остался один. И придерживаюсь в быту строгих правил.

— Ну, это ненадолго, — махнула тетка царственной дланью. — Оженишься, и скоро. Ишь, какой ты ладный. Наши женки до таких охочи.

Граф ничуть не смутился. Хотя принц Антон после этих слов залился бы краской до ушей и онемел. Но Мориц, не растерявшись, отвесил моей тетке комплимент:

— Ни одна женщина не сравнится с вами, ваше величество. Поэтому мое сердце невозможно разбить. Оно в плену у великой государыни. Вы держите его в своих руках.

Бирон аж позеленел. И будь моя тетка помоложе, внутренняя политика Российской империи изменилась бы в корне. Но самодержица Анна давно уже носила штаны, а не юбку. И сладкие речи синеглазого красавца ее не тронули.

Она скупно улыбнулась и кивнула:

— Добро. Говорить ты горазд. Что ж, граф, приступай к своим обязанностям. — Императрица обернулась к Бирону: — Друг мой, возьми у посланника грамотку.

Сердечный смерил Линара высокомерным взглядом: не видишь, место занято! Но граф ничуть не огорчился. Пере-

вел взгляд на меня и с непринужденным изяществом поклонился:

— Мне сказали, что ваше высочество любит читать. Моя библиотека к вашим услугам.

На этот раз Линар попал точно в цель. У меня голова закружилась. И от взгляда васильковых глаз. Я хотела *всю его библиотеку*.

— Дозвольте, ваше императорское величество? – я с мольбой посмотрела на тетку. А та на Бирона, который благосклонно улыбнулся. Мол, не вижу препятствий.

— Худого в том нет, — сказала императрица. – Где там твоя воспитательша? – Адеркас поспешно выступила вперед. – Под твоим присмотром, слышишь? – генеральша торопливо закивала. – Чтобы наследница и молиться не забывала. Обычай бы наши соблюдала. Ну и себя блюла. Какой с девочки спрос? А ты для того и назначена: приглядывать.

Моя гувернантка снова кивнула. А тетка, похоже, и впрямь считала меня ребенком. А графа Линара взрослым дядей. Общего между нами не может быть ничего с ее точки зрения.

К тому же с самого первого дня на Линара началась охота.

Я ведь далеко не случайно оказалась здесь. Это был век женщин и женских радостей. А герой этого времени дамский угодник, неотразимый оболъститель, модник, остроумец, чудесник любовных утех.

Граф оказался идеалом. И вся женская половина Санкт-Петербурга пришла в восторг. Наши кавалеры тоже хороши, но грубоваты. Под напудренным париком у русского – ежик коротко остриженных волос, жесткий, непокорный.

И характер такой же. Чего там словесные кружева плести – ломануться прямиком к цели, авось и повезет. А нет, так вот их сколько, баб! И доступных тоже. Сегодня любовь, завтра война. Чего зря время терять?

А Мориц Карл Линар никуда не спешил. И выбирал тщательно.

Посланником стать не так-то просто. Тем более в Россию, страну богатейших возможностей. Еще вчера терзаемое распрями княжество, сегодня это полноправная империя. С выходом к Балтийскому морю.

Кто знает, что будет завтра?

Линар прекрасно понимал свою ценность. Умен, образован, обходителен помимо того, что красив.

Он одевался в цветные шелка с богатой вышивкой, кружева и только в белые чулки. Волосы завивал, если не надевал парик. Пудрился, и пахло от него изысканными духами. Бергамот, розмарин и еще что-то сладкое, чувственное. Нотка жаркой Италии, родины его предков.

И он был свободен. Без спутницы, жены или любовницы. О том, что граф вдовец, никто не помнил. Где это было? И когда? А здесь на воле гуляет роскошный самец, лакомая дичь, и коль уж государыня не охотник, то все остальные

равны.

Меня само собой в расчет никто не брал.

Граф Линар прошелся по великосветским гостиным. Везде ему улыбались и сигнализировали о сдаче крепости при первом же штурме. Мушками, взмахами веера, а то и более откровенно: записочками.

Но он отговаривался срочными делами, чтобы не ходить на тайные свидания. Так мне докладывала гувернантка. Теперь уже она шпионила для меня.

Я, неопытная и наивная, не смогла скрыть своих чувств. К тому же мой характер и привычки резко изменились. Теперь я часами перебирала наряды и подолгу сидела перед зеркалом. Меняла прически, пытаюсь определить, которая мне больше к лицу?

Перестала лопать все подряд. Надо следить за цветом лица и за фигурой. Дабы не растолстеть. И эти подростковые прыщи... К счастью, для них есть мушки.

Мне наняли нового учителя танцев. В мои покои зачастили с образцами новых тканей, украшениями, косметикой, духами...

Я то ревела, то смеялась. Не знала, с чего начать. Мне так хотелось ему понравиться. Но мы почти не виделись, а когда я замечала в комнате высокую фигуру графа, мое горло сжималось до щели, которой можно было издать только хрип. Или стон.

Я умирала рядом с ним. В его присутствии. Чуть на шею

не вешалась. При том, что поначалу он и не пытался меня соблазнить. Прекрасно понимая последствия.

Но однажды граф принес обещанную книгу. Меня привезли к генеральше Адеркас, в ее дом, поскольку неженатому мужчине было неприлично прийти ко мне во дворец. Да и женатому тоже, если он хорош собой и молод.

Адеркас прекрасно понимала мое состояние, поэтому гостей кроме саксонского посланника не было. Я робко вошла. Щеки красные, губы искусанные. Граф Линар поспешно встал:

— Добрый день, ваше высочество.

Но поклонился не как особе царских кровей. Более интимно. Это была частная встреча, без титулов.

Я села. Ноги не держали. Меня томила жажда: хотелось его рассмотреть. Но в то же время я глаз не смела поднять. Только часто-часто дышала. Запах мускуса и пудры кружил мне голову. Парика на графе не было, белокурые локоны свободно лежали на широких плечах.

— Могу я вам вручить обещанную книгу? – он тоже, кажется, смутился. Моей откровенностью.

Я и не прятала своих чувств. Не кокетничала. Не играла. Я просто была влюблена. Отчаянно, рискованно, безрассудно.

— Давайте, — я протянула руку.

Машинально открыла и посмотрела на титульный лист. О, боже! Это было «Путешествие в остров любви» на французском! Но почему оно?! Я торопливо закрыла книгу.

— Она вам не нравится? – огорчился граф.

— Я... я просто уже ее читала.

— Тогда я принесу вам другую, — он протянул руку, чтобы забрать книгу, и наши пальцы невольно сплелись. Я не собиралась отдавать добычу.

— Простите ваше высочество, — он попытался освободиться.

— Вам не за что извиняться, — я лишь крепче сжала его руку.

— Но вы невеста, — мягко напомнил граф.

— Нет! Я никогда не выйду за принца Антона! Когда есть вы!

— Осторожнее, ваше высочество, — Линар кивнул на генеральшу Адеркас, застывшую в дверях, как часовой, и все-таки отобрал свою руку. – Нас услышат.

Решалась судьба империи. Я – будущая правительница. Все видят могущество Бирона. Фаворит в век бабьего царства всемогущ. Адеркас может на нас донести. И граф Линар никогда не получит заветного.

— Разве не женился мой двоюродный дед на простушке? – наивно спросила я. – Императрица Екатерина была низкого происхождения, а когда они встретились, и вовсе – прачкой. А вы-то граф! Человек благородный, из знатной семьи.

— Я иностранец.

— А она разве не была иностранкой?!

— Времена тогда были другие, — усмехнулся Линар. – И

вы женщина, не забывайте об этом. Даже Бирон всего лишь фаворит.

— Брак может быть тайным, — горячо возразила я.

— Позвольте мне быть вашим верным слугой, — граф оценил мой порыв и поднес к губам мою дрожащую руку.

Это был первый в моей жизни поцелуй. Мне, пацанке, рук еще не целовали. Наследнице, девственнице. А он осмелился.

Я никогда не думала о том, сколько женщин прошло через его постель. Это большое искусство: имея столько любовниц, оставаться для каждой единственным. Вести себя так, будто остальные связи мимолетны и никакого значения не имеют.

Но мой Мориц этим искусством обладал. Мы долго молчали. Я переживала эти новые ощущения, а он терпеливо ждал. Наблюдал. Потом решился:

— Я чувствую себя Тирсисом, который пережил бурю, — граф положил руку на книгу, будто это был молитвенник. Она все еще лежала у меня на коленях. Жест был такой интимный, что мои щеки стали багровыми. — Но зато его вынесло ураганом на остров Любви. Вы моя Аминат. Как и герою этого романа, разум мне советует покинуть остров как можно скорее. Бежать... Но чувства берут верх.

— Значит вы, как и Тирсис, станете добиваться взаимности? — я замерла.

— Если вы позволите... Анна.

— Я не только позволю, я страстно этого хочу!

— Тогда разрешите мне все устроить. Наши свидания, — граф бросил взгляд на Адеркас. Та кивнула.

Кто ж не хочет много денег? И блестящую карьеру. Полоток Адеркас — гувернантка наследницы. Но если стать ее доверенным лицом... Тогда и чин можно попросить любой. А в том, что графа ждет успех, можно не сомневаться.

Линар пошел ва-банк. Была ли это внезапно вспыхнувшая страсть или расчет, я не знаю. Мне так и не удалось эту загадку разгадать.

Трудно поверить, что опытный мужчина, любовник, каких поискать, вдруг врезался по уши в наивную неуклюжую девственницу. Не красавицу, без особых каких-то достоинств.

Но одно мое достоинство перевешивало все достоинства других женщин, положивших на графа глаз: я была наследницей короны.

В будущем правительницей огромной империи.

А смертность у нас высокая. Антибиотиков нет. Тетке уже за сорок. Возраст, между прочим. Ест, как не в себя. Подагра. Больные почки.

И в любой момент *это* может случиться.

Но фальши я не чувствовала. Видимо быть любимым самой принцессой лестно. И ставка на кону такая, что можно поиграть в холодного, разочаровавшегося в любви вдовца. Отказывать хорошеньким женщинам.

Потому что с самого первого нашего свидания в доме ге-

неральши Адеркас граф Мориц Карл Линар был мне верен.
И остальных не замечал.

Глава 5

Для него все случилось слишком уж быстро, в то время как для меня наш роман развивался так медленно, что я порою теряла терпение.

Мне хотелось видеть Морица каждый день, каждую минуту, и я полуодетая, растрепанная неслась к дверям, когда за окнами уже было темно.

Не приехал! Что его задержало, какие дела? Или... кто? Неужели женщина?!

Я дико ревновала. Обычно сдержанная, швыряла на пол вазы, стулья, книги... Все, что под руку попадалось.

Где он?! Я здесь, а его все нет!

— Куда?! – вцеплялась в меня Адеркас.

— Я хочу к нему!

— Имейте терпение, ваше высочество.

Эмоции меня переполняли. Какое уж тут терпение! Удивляюсь, как нам два года удавалось держать эту связь в тайне! Все благодаря моей гувернантке и еще одному человеку. Точнее маленькому, незаметному человечку. Камер-юнкеру со смешной фамилией Брылкин.

По сути, камер-юнкер это слуга из покоев особы царских кровей. Принеси-подай. И тоже хочет сделать карьеру. Но без влиятельной родни это невозможно. Все должности при

дворе либо куплены, либо даются в награду за неоценимую услугу.

А что хотят богатые и влиятельные люди? Вершители судеб империи. Да то же, что и все остальные. Хотят быть любимыми. Чтобы ответили на их чувства.

Хотя теткина главная фрейлина, начавшая свою карьеру во дворце посудомойкой, Анна Юшкова вознеслась, пока стригла ногти императрице и ее фавориту.

Тетка не выносила молчания, поэтому ее персональная маникюрша собирала загодя все сплетни. И во время сеанса красоты самодержица не скучала. Потом моя тезка стригла ногти семейству Бирона.

И в итоге стала самой влиятельной женщиной при дворе. Вот и Брылкин хотел в министры. Как показывает практика, ни ум, ни знания тут не важны. Был бы ловок, да язык хорошо подвешен. Раболепство, льстивость – вот качества, необходимые придворному.

И Брылкин прилепился ко мне, наследнице. Постельным пажом. На шухере постоять, записочку отнести, а надо, так и посветить. Помочь моему любовнику одеться.

Государыня как раз разболелась. Камни в почках, какое уж тут веселье! Высокая, грузная, любительница много и вкусно поесть, она все реже хотела теперь покидать дворец. Окружила себя шутами, певчими, гадалками, знахарками, сплетницами.

Фрейлин заставляла часами петь. Мало того: во дворце

повсюду стояли клетки с птицами. Особенно любила матушка-государыня попугаев.

А я говорю тихо, мало. Да и о чем я, девица, могу рассказать? Напротив: все, что с таким жаром обсуждают в покоях императрицы не для моих ушей. Кто с кем и как.

В общем, про меня все забыли. И я могла ускользнуть из дворца. Сопровождал меня камер-юнкер, а прикрывал мой учитель. Якобы принцесса на занятиях.

На самом деле, закутавшись в плащ, я бежала к карете. Или к саням. И мы мчались к дому генеральши. Где та свила уютное гнездышко для меня и Морица.

Сначала эти свидания были невинными. Граф не забывал, что я просватана. И в первую брачную ночь случится конфуз, если мы перейдем черту.

Могут и головы лишить. За государственную измену. Проще подождать, когда хозяйкой империи стану я. Ну и законный муж свое отработает: лишит невинности.

Поэтому Мориц галантно ухаживал за мной, говорил комплименты, мы обсуждали книги. Любовные романы. Незаметно пролетал час, другой, третий. Я уезжала, наполненная негой, но тело мое пылало. Хотелось большего.

И первой я его поцеловала. А он все пытался меня отцепить со словами:

— Одумайся, Анна. Не надо. Ну, не надо.

Какое там не надо! Он разбудил во мне женщину! Я даже не ожидала, что во мне столько страсти!

Представьте, что рядом умопомрачительно красивый мужчина. Прекрасно сложен, ухожен, от него пахнет амброй, глаза нереального какого-то цвета. Так и манят.

И он давно уже ни с кем. Ради меня. Разве можно не почувствовать его волнение? Не увидеть, как учащается его дыхание, когда наши губы сближаются. Не уловить его возбуждение.

Его слюна меняет вкус и становится тягучей во время поцелуя. Будто он в тебя вливает медленно действующий яд.

И сам же этим ядом отравлен. Я вижу, как мужчину трясет, будто в лихорадке.

Так и хочется его потрогать. Везде.

И в какой-то момент мы потеряли голову. Точнее он. Я-то ее давно потеряла. Граф внезапно стал грубым, повалил меня на кушетку, нетерпеливо задрал платье.

Казалось, он забылся. Перестал осознавать, где он и с кем. Я даже дышать перестала. Сначала испугалась. Я еще не видела *этого* мужчину. Почти что зверя, потому что он мычал, не говорил.

Но потом и у меня в глазах потемнело. Я тоже стала издавать какие-то нечеловеческие звуки. И мы прекрасно друг друга понимали!

Я рванулась ему навстречу, всем телом, бедрами, не давая опомниться, не позволяя остановиться.

Любовь как у меня сильнее боли, и я ее почти не почувствовала. Зато потом меня затопило такое блаженство, что я

стиснула бедра Морица своим ногами и буквально толкала его вперед, на себя, в себя. Еще, еще и еще.

Пока силы не кончились.

Когда он увидел кровь, то во взгляде промелькнуло отчаяние. Все-таки не удержался. Но граф быстро взял себя в руки и горячо принялся меня благодарить:

— Я твой раб навеки, Анна. Клянусь: у меня не будет больше ни одной женщины, кроме тебя.

— Я тоже тебе клянусь. Что никогда не выйду замуж.

Мы оба понимали, что это невозможно. Ни первое, ни второе. Оба мы лгали, но лгали искренне, если такое вообще бывает. В тот день мы оба верили в то, что говорим.

Как будто у меня была армия. Или у него. Верный клан, готовый повести на штурм гвардейцев. Реальная власть.

Не-воз-мож-но. Быть вместе. Разве что в могиле.

Но мы об этом в тот момент забыли.

В дверь деликатно постучали:

— Ваше высочество, время возвращаться во дворец.

Мориц помог мне одеться. Точнее привести себя в порядок, мы ведь толком так и не разделись. Наспех, не в кровати под балдахином: кушетку генеральше испортили.

Я слышала, как граф сказал:

— Прибери тут все. Никто не должен знать.

— Но как же... — ахнула та, увидев в комнате беспорядок, а на обивке красноречивые следы моего грехопадения.

— Впредь застилай нам постель. Поняла?

Я торопливо сняла с руки кольцо. Моя тетка обожала драгоценные камни и дарила мне много украшений. Вряд ли она вспомнит, что именно дарила.

— Возьми, — я вложила кольцо в ладонь генеральше.

— Благодарю, ваше высочество, — она жадно взглянула на камень. Огромный алмаз.

— Будет еще. Много. Я все тебе отдам, только помоги!

— А если узнают?

— Не узнают. Мы будем осторожны.

И я ушла. Меня ждал камер-юнкер Брылкин, сопроводить во дворец. А граф остался, чтобы дать Адеркас еще кое-какие наставления. Моя беременность не вписывалась в планы.

И начался самый сладкий период в моей жизни. Первая любовь. Тайный роман. Новый мир, который я для себя открыла. Альковные ласки. Да еще с таким учителем!

Я была по-настоящему счастлива!

— «Погода сегодня очень приятная, весна, все расцветает вокруг, но мне хотелось бы чего-нибудь другого. Зимы и метели, как в тот памятный день, когда я впервые увидел Вас...» Я правильно написал? – принц Антон умоляюще посмотрел на своего учителя.

— Всего за три года вы прекрасно овладели сложнейшим русским языком, ваше высочество. Не каждый дворянин, для кого этот язык родной, способен так красиво и грамотно на нем писать.

— Так уж и красиво, — Антон аж порозовел от похвалы.

Он учился усердно, потому что любил учиться. Самолюбленным идиотом Антон не был и понимал, что ни внешностью, ни галантностью, ни красноречием сердце принцессы Анны не покорит. Что не дано, то не дано.

А вот память у него прекрасная, науки даются легко. Да и в военном деле Антон преуспел.

Верховая езда, фехтование... Он каждый день упражнялся и в том, и в другом.

За время Крымской кампании принц вытянулся, возмужал и загорел. Это уже был не женоподобный заика маленького роста, на которого с таким презрением смотрела принцесса.

Мужчина. Полковник российской армии. Вот уже больше года состоящий на службе при фельдмаршале Минихе, они вместе и сочинили этот авантюрный, как все сказали, план захвата турецкой крепости Очаков.

Но сначала Крым.

Принцесса почти не писала, и Антон совсем уже сник. Старался реже ее беспокоить. Но отсюда, из крепости Святой Анны решился.

Миних стягивал сюда войска, создавая ударный кулак для похода на Очаков, в крепости с утра до ночи обучали новобранцев, и у высших армейских чинов появлялись лишь короткие передышки. Как сегодня вечером.

Вот и вспомнилось двадцатилетнему полковнику неудач-

ное сватовство. И рука потянулась к перу. Он должен это если не сказать, то написать. Чтобы принцесса узнала о его чувствах.

Из Анны – к Анне. С мольбой. Они не помолвлены, это правда. Но он не теряет надежды. Тогда, на льду Невы, он хватался за Анну, чтобы не упасть. Она его опора. Его звезда, на которую плывет корабль его фортуны...

«- Каким ты себя видишь?»

— Я умный, сильный, удачливый...

— Не надо стесняться, скажи как есть. Ты же хочешь прожить счастливую жизнь. Осуществи свою мечту.

— Я герой!

— Герой чего?

— Войны, разумеется. Отважный полководец. Гениальный стратег.

— Генерал?

— Да маловато будет.

— Тогда генералиссимус.

— Сойдет. Еще я хочу встретить девушку. Ту самую, единственную. Жениться, родить детей.

— Детей сколько?

— Много. Стой! Ей же их рожать! Ну, трех. Или нет. Четырех. Короче, все будет от нее зависеть. Я на все согласен.

— Принято.

— И еще... Мне бы титул какой-нибудь. Пошикарнее.

— *Император, король?*

— *Да и принц сойдет.*

— *Страна какая?*

— *Россия...!*

... Второй сын герцога, Антон с детства пасовал перед старшим братом. Хотел быть таким же героем. И вот он, шанс! Послы из России! Возможность отличиться на войне с турками!

И намек на регентство, если подарит короне наследника, согласно указу Самодержицы Российской. Замужней женщине, мол, негоже самой править. Вот ты этим и займешься, принц Антон.

Он должен был нести тогда прекрасную Анну по невскому льду на руках. Вместо того, чтобы хвататься за ее рукав.

Дурак! Растяпа!

А до того не смог сказать, как ею восхищен. И даже отступил на шаг назад, не в силах поверить, что именно эту девушку прочат ему в жены. Это ради нее он здесь, в Санкт-Петербурге.

Смутился, растерялся, оробел. Анна показалась ему неземной красавицей. И справедливо был наказан.

«Любовь не терпит принуждения!»

Но вот уже три года как Антон в действующей армии. А теперь мотается вместе с Минихом по бескрайним степям, глотая обиду и пыль.

К войне ничего не готово!

Обмундирование дерьмовое, ткань потому что гнилая и нитки, провиант разворовывают, обозы растянулись. Везде бардак, кроме ставки самого Миниха.

Принц Антон не думал, что способен повесить голос. А вчера орал на повара, потому что в солдатском котле не обнаружил мяса. Куда только заикание подевалось? Обложил он гаденьша мастерски.

Даже его учитель русского одобрительно хмыкнул.

Так и до рукоприкладства дойдет! Принц с досадой провел ладонью по коротко остриженным волосам. А раньше они вились, его белокурые локоны. Какое там! Помыться удается редко, они все время на марше, к тому же летом адская жара.

Как вспомнишь июльский поход! Тогда-то Антон и остригся почти наголо. И сразу стало легче.

Морозы тоже не лучше. Чертов климат! Это ведь юг! Откуда, мать его, здесь снег!

И как в таком виде показаться невесте?! Когда вокруг нее кавалеры в шелках, завитые, надушенные, с ухоженной белой кожей. А здесь на чертяку похож, нос шелушится, подбородок как терка, в щетине. Мужлан, короче.

— Ваше высочество, — его учитель русского языка деликатно кашлянул. — Вы, должно быть, хотите написать ее высочеству о личном. Я удаляюсь.

— Мы завтра выступаем, — напомнил Антон. — Торопится Миних. Пятого мая годовщина коронации императри-

цы Анны. И мы должны в этот день ступить на землю татар. Идите, готовьтесь. А я перед сном прочитаю. Когда-то получится вновь открыть книгу?

— Спасибо, ваше высочество.

Он со вздохом запечатал письмо. Будет ли Анна его читать? Но не время об этом думать.

Армия на рассвете выступает...

Не успели. Первая стычка с татарами случилась лишь седьмого мая. После этого они стали терзать отряды русских, постоянно на них, нападая.

Пришлось выстроиться в большое каре.

— Держать строй! – надрывался Миних. – Не позволяйте противнику прорваться в центр!

Они тащились по заросшей ковылем и типчаком степи, днем наваливалась жара, по ночам терзал пронзительный ветер, забираясь под потные и пыльные мундиры. Все тело чесалось, особо чувствительные места покрывались сыпью. Обозы безнадежно отстали.

На штурм крепости Ор-Капы, ключу от Перекопа, сил не было. А глубокий десятикилометровый ров с насыпным валом казался непреодолимым.

Надо было его брать, Перекоп этот. Ключик золотой, заветный. Но как?

Хорошо, что крепость сдалась сама, когда русские войска просто-напросто ее обошли. И впервые вступили на крымскую землю.

В Санкт-Петербург полетело радостное донесение от Миниха. И пришло туда вместе с письмом принца Антона к невесте, сильно задержавшемся в пути.

Но Антон уже про него забыл, про это глупое письмо. Они с Минихом сражались теперь за выход к Черному морю. Гарь, порох, кровь... Жестокие упертые татары, упрямые хитрые турки.

Но момент был подходящий – политический кризис в государстве Османов. Пока они там разберутся!

... Зимой устроили передышку. Подлечиться, сил поднакопить. И дожждаться помощи из столицы. Главное денег.

От императрицы Анны, лично планировавшей военную кампанию, пришел приказ. Штурмовать Очаков уже в марте.

И вновь ничего не готово! Миних в отчаянии отправлял в столицу депешу за депешей. Нужны лошади, телеги, палатки, фураж... Большая часть полков не укомплектована. Нижние чины недостаточно обучены из-за разбросанности зимних квартир.

Но приказ есть приказ. В июне все же выступили.

К Очакову подошли почти уже ночью и увидели, что предместья подожжены. Армия до утра простояла «в ружье», глядя на зарево. Их явно здесь ждали. И подготовились.

Стало понятно, что поход может затянуться. А успех его непредсказуем. Принц Антон, как и все, ждал приказа. Штурм или осада?

Миних решил штурмовать Очаков немедленно, пока к

туркам не подошло подкрепление. Потому что осада означала гибель. Слишком уж много проблем. Надо взять крепость и отсидеться там, за стенами. Пусть турки ее штурмуют.

Началась канонада. Под прикрытием пушек русская армия двинулась на штурм, но перед крепостью натолкнулась на ров. Приспособлений, чтобы его преодолеть, у солдат не было.

А турки открыли огонь.

Вот этого никто не ожидал. Что нападающие окажутся отличной мишенью. А ров неодолимым препятствием.

Одна лошадь под Антоном была убита, другой оторвало ухо. Пуля пробила кафтан принца. Хорошо, что царапина на теле оказалась пустяковой. В этой кровавой мясорубке Антон понимал лишь одно: надо идти вперед! И шел, уже не пытаясь найти, свежую лошадь. Просто шел.

Рядом упал его паж, хорошенький, как девица Бок. Принц сразу понял, что мальчишка мертв. Но даже не успел его пожалеть. Вокруг свистели пули, вопили от боли раненые.

Второго пажу тоже ранило, но самого Антона вновь не зацепило.

«Храни меня, святая Анна!» — подумал он.

Почему в этом аду он вспомнил вдруг о ней? Об Анне. Потому что сил уже не осталось. Только на святых и уповать. Но и у противника сил не осталось тоже.

Когда закончились боеприпасы, русские и турецкие солдаты принялись кидаться друг в друга лопатами, кирками,

топорами, камнями и просто землей. Это уже была звериная грызня, никакая не война.

Поняв, что штурм невозможен, русские начали отступать. А турки ликовать. Грязные, похожие на чертей, они хохотали, как безумные, выкрикивая неприличные слова. Оскорбительные. И корчились, будто в припадке.

Увидев это, фельдмаршал Миних, сам как безумный, выхватил из рук солдата знамя и пошел ко рву.

— За мной! – надрывался главнокомандующий.

Но, увы! Когда он обернулся, ожидая своих идущих на штурм солдат, увидел только их спины.

И этот с утра еще бодрый и полный сил пятидесятилетний мужчина, по-стариковски, обиженно и на слезах спросил:

— Куда же вы? Почему вы все меня бросили?

Антон не выдержал и с теми из своих людей, кто еще остался в живых, побежал к развевающемуся на ветру знамени. В степи всегда задувало.

Миниха увел он. Потому что за неприступными стенами раздался взрыв. Русские все-таки сумели подпалить склад с боеприпасами. Крепость нещадно горела, и она была обречена.

Вскоре турки сдали русской армии Очаков...

... - «Погода сегодня очень приятная, весна, все расцветает вокруг, но мне хотелось бы чего-нибудь другого. Зимы и метели, как в тот памятный день, когда я впервые увидел

Вас...» — вслух прочитала тетка и строго посмотрела на меня. — Садись, пиши ответ.

— Не буду!

— Принц Антон показал себя героем. Послушай, что Миных мне пишет... — государыня протянула руку, в которую любимая теткина фрейлина тут же вложила другое письмо.

От фельдмаршала. Мы взяли Очаков. Столица ликует. А принц Антон чуть не погиб при штурме. После того, как под ним убили лошадь, пошел ко рву пешком, под пулями.

Мне уже об этом доложили. Антон теперь в фаворе. И что?

— Не буду! — повторила я.

— А я вот написала матери Антона, герцогине Шарлотте. Что Ея сын славно отличился при взятии Очакова. Спасибо ей, за такого сына от всей России-матушки! На благо коей он бьется, не щадя себя. А с тобой что, душа моя? — зло посмотрела на меня самодержица. — Кого тебе надобно?

«Я хочу выйти за графа Линара!» — чуть не сорвалось у меня с языка.

Антон это нарочно. Под пули лезет. На корону нашу российскую зарится. А я его не хочу! Хоть он умри!

— Твоего жениха я пожалуйю в генералы, — сурово сказала тетка. Жениха!!! — И указ уже подписан. О награждении его высочества Антона Ульриха Карла Браушвейгского русскими орденами Святого Андрея Первозванного и Святого Александра Невского.

— А не много ему орденов? — с досадой спросила я.

Прекрасно понимая, что с таким багажом наград и званий принц вплотную приблизился к моей спальне. В качестве законного супруга.

— По заслугам и награда. А что с тобой не так, я вскоре выясню, не сомневайся.

Вот тут мне следовало насторожиться.

Но я была по уши в нашем романе с майн либе Морицом. Мне хотелось сделать любимому подарок в честь нашего с графом Линаром маленького праздника.

Год назад мы стали близки. И это был незабываемый год! Я пребывала в раю и даже не заметила опасности!

Мне следовало прочесть письмо Антона. И подлизаться к тетке. Но мысли были заняты другим.

Я с пристрастием допросила служанку графа. Что он любит? Его привычки?

Узнала, что Мориц тщательно ухаживает за лицом, руками и волосами. Спит в тканевой маске, а на руки надевает перчатки, пропитанные особым составом. Ароматическим и смягчающим.

Не всякая благородная дама так за собой следит, за белизной и нежностью своей кожи. И в спальне у Морица много цветов. Он очень чувствителен к запахам.

Ах, как бы я хотела там побывать, в спальне у любимого! И остаться. Желательно навсегда. Но, увы, нельзя. Я незамужняя девица, а граф не женат и усердно изображает уби-

того горем вдовца.

Мы по-прежнему встречаемся у генеральши Адеркас.

Но прошел слух, что тетка собирается на охоту в Екатеринбург. Я-то стрелять так и не научилась, и толку от меня там будет мало.

Поэтому скажусь больной и останусь в Зимнем. Мы с Морицом сможем провести вместе ночь. И даже не одну, если тетка в Екатерингофе задержится, она-то охоту обожает. И хорошо, что так ею увлечена, обо мне меньше будет думать.

Тем временем гувернантка тайно привезет в Зимний Морица, а Брылкин поможет моему любовнику незаметно пробраться в мои апартаменты.

И мы отметим наш маленький семейный праздник. Потому что я считаю Морица своим тайным мужем. Подарок уже заказала. Через два дня он будет готов, и его привезут в Зимний.

Но вечером меня ждал первый удар:

— Поедешь со мной, — велела тетка.

— Но ваше величество... я... мне... нездоровится, — залепетала я.

— Возражений не приму. Собирайся. Завтра выезжаем.

— Как?! Уже завтра?!

А как же подарок?! Свидание срывается!

— Воздухом подышишь свежим. А то ты что-то бледна, душа моя.

— Я же сказала, что мне нездоровится.

— Вот мы и выясним, какого рода это недомогание, — зловеще сказала тетка Анна.

Я была в отчаянии, еще не зная, что это лишь начало!
И что меня выследили.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.